

В полях. Ги де Мопассан

Октаву Мирбо[1]

Оба двора стояли бок о бок у подножия холма, недалеко от курортного городка. Оба крестьянина надрылись на своей плодородной земле, чтобы поднять детей: в каждой семье их было четверо. У обеих соседних дверей с утра до вечера копошились ребятишки. Старшим было по шести лет, младшим — по году с небольшим: в обоих домах женились и рожали почти одновременно.

Обе матери с трудом отличали в этой куче детворы своих от чужих, а отцы и вовсе их путали. Восемь имен вертелись и мешались у мужчин в голове, и нередко, когда требовалось позвать одного ребенка, они окликали трех других и лишь потом того, кто был нужен.

В первой лачуге, если ехать от курорта Рольпор, жили Тюваши, у которых было три девочки и один мальчик; во второй ютились Валлены — одна девочка, трое мальчиков.

Все они перебивались с похлебки на картошку пополам со свежим воздухом. В семь утра, в полдень и в семь вечера хозяйки, как птичницы, сгоняющие гусей, скликали детвору и задавали ей корм. Ребятишки рассаживались по старшинству за дощатым столом, отполированным полувековой службой. Самый маленький еле дотягивался до него ртом. Перед ними ставилась миска с хлебом, крошенным в варево из картофеля, полкочана капусты да нескольких луковок, и выводок набивал себе животы. Меньшого мать кормила сама. Кусок мяса в котле по воскресеньям был для всех праздником; в такие дни отец подолгу засиживался за столом, повторяя:

— Вот бы всегда так обедать!

Однажды, августовским днем, у лачуг остановилась пролетка, и молодая дама, собственноручно правившая ею, сказала господину, который сидел рядом:

— Ах, Анри, ты только погляди на этих ребятишек! Как они мило возятся в пыли!

Мужчина промолчал: он давно примирился с этими восторгами, причинявшими ему боль и звучавшими почти упреком.

Спутница его не унималась:

— Нет, я должна их расцеловать! Ах, как мне хочется взять себе вот этого, самого маленького!

Выпрыгнув из экипажа, она подбежала к детям, подняла на руки одного из двух меньших, мальчика Тювашей, и осыпала страстными поцелуями его грязные щеки, белокурые, вьющиеся, припомаженные землей волосы и ручонки, которыми он отбивался от докучных ласк.

Затем дама села в пролетку и пустила лошадей крупной рысью. Однако через неделю она появилась снова, уселась на землю вместе с детьми, привлекла мальчугана к себе, напичкала его пирожными, оделила остальных конфетами и заигралась с ними, как девочка, а муж терпеливо ждал ее в своем хрупком экипаже.

Потом дама приехала еще раз, познакомилась с родителями и стала бывать там каждый день, привозя полные карманы сластей и мелкой монеты.

Знали ее г-жа Анри д'Юбьер.

Как-то утром муж вылез вместе с ней из пролетки, и оба, не задерживаясь около детворы, уже привыкшей к этим посещениям, проследовали в дом.

Хозяева, колотившие дрова для варки пищи, изумленно выпрямились, подали стулья, уселись сами и устали на гостей. Молодая женщина, запинаясь, дрожащим голосом начала:

— Добрые люди, я приехала, чтобы... чтобы... Словом, мне очень хотелось бы забрать вашего малыша.

Крестьяне опешили и молчали, не зная, что сказать.

Она перевела дыхание и продолжала:

— У нас с мужем нет детей. Мы одни... Мы бы его воспитали. Вы согласны?

Крестьянка первая сообразила, в чем дело.

— Вы хотите забрать нашего Шарло? Ну, нет! Ни за что!

Вмешался г-н д'Юбьер:

— Жена выразилась не совсем определенно. Мы усыновим его, но он будет вас навещать. Если из него выйдет толк, на что есть все основания надеяться, мы сделаем его нашим наследником. Если у нас, паче чаяния, появятся свои дети, он получит равную с ними долю. А если он окажется недостоин наших забот, мы вручим ему в день совершеннолетия двадцать тысяч франков, которые теперь же положим на его имя у нотариуса. Подумали мы и о вас: вам будет назначена пожизненная рента в сто франков ежемесячно. Вы все поняли?

Крестьянка в ярости вскочила с места.

— Вы хотите, чтобы я продала вам Шарло? Ну, нет! Такого от матери не требуют. Нет, нет! Это же мерзость!

Крестьянин степенно и рассудительно помалкивал, но тем не менее кивал в знак согласия с женой.

Госпожа д'Юбьер потеряла голову, расплакалась, повернулась к мужу и, всхлипывая, как ребенок, приученный к тому, что все его желания немедленно исполняются, пролепетала:

— Они не согласны, Анри, не согласны!

Приезжие сделали последнюю попытку:

— Друзья мои! Подумайте о будущем вашего сына, о его счастье, о...

Крестьянка, вне себя, перебила:

— Обо всем мы подумали, все поняли, все решили! Убирайтесь, и чтоб духу вашего здесь не было! Где это видано, родных детей забирать!

Выходя, г-жа д'Юбьер вспомнила, что малышей двое, и с упрямством избалованной женщины, своенравной и нетерпеливой, спросила сквозь слезы:

— А другой мальчик ведь не ваш?

— Нет, соседский, — ответил папаша Тюваш. — Зайдите к ним, если хотите.

И он возвратился в дом, откуда доносился негодующий голос его жены.

Валлены сидели за столом, неторопливо пережевывая ломти хлеба; муж и жена скупом намазывали их маслом, которое поддевали концом ножа из стоявшей перед ними тарелки.

Господин д'Юбьер сделал им то же предложение, только более вкрадчиво, велеречиво, со всеми ораторскими уловками.

Сперва крестьяне отрицательно мотали головой, но когда им посулили сто франков ежемесячно, они переглянулись, словно совещаясь, и заколебались.

Чета, раздираемая противоречивыми чувствами, долго молчала в нерешительности. Наконец жена спросила:

— Что скажешь, отец?

Муж наставительно изрек:

— Скажу, что тут стоит поразмыслить.

Тогда г-жа д'Юбьер, дрожа от волнения, завела речь о будущем мальчика, его счастье и деньгах, благодаря которым он впоследствии поможет родителям.

Крестьянин осведомился:

— А эту ренту в тысячу двести вы назначите через нотариуса?

Господин д'Юбьер подтвердил:

— Разумеется. Завтра же.

Крестьянка подумала и добавила:

— Сто франков в месяц — это маловато. Вы же заберете у нас малыша, а он еще несколько лет — и работать сможет. Вот если бы сто двадцать!..

Госпожа д'Юбьер, постукивая ногой от нетерпения, сразу согласилась и, так как ей хотелось увести ребенка немедленно, подарила родителям еще сто франков, а муж ее тем временем составил письменное обязательство. Тут же пригласили мэра и одного из соседей, которые охотно засвидетельствовали документ.

И молодая дама, сияя, увезла отчаянно ревущего малыша, как увозят из магазина желанную безделушку.

Тюваши молчаливо и сурово смотрели с порога вслед уезжающим, сожалея, может быть, о своем отказе.

Маленький Жан Валлен как в воду канул. Родители его каждый месяц получали у нотариуса положенные сто двадцать франков, но перессорились с соседями, так как мамаша Тюваш честила их на все лады, внушая кому только можно, что они выродки, продавшие родное дитя, а это мерзость, низость, разврат.

У нее вошло в привычку брать своего Шарло на руки и, чванясь, горланить, словно тот способен был уразуметь ее слова:

— А вот я тебя не продала, маленький, нет, не продала! Я детьми не торгую. Я не богачка, но детей своих не продаю.

Это тянулось из года в год, изо дня в день; ежедневно на пороге лачуги раздавались злобные намеки, выкрикиваемые так, чтобы слышно было в соседнем доме. В конце концов мамаша Тюваш убедила себя, что она выше всех в округе — она ведь не продала своего Шарло. И каждый, кто вспоминал о ней в разговоре, соглашался:

— Соблазн был большой, что и говорить, но она поступила как настоящая мать.

Ее ставили в пример, и Шарло, которому было уже под восемнадцать, так свyksя с этой вечно повторяемой при нем мыслью, что тоже считал себя выше сверстников — его-то ведь не продали!

Валлены получали свою ренту и жили припеваючи. Старший их сын отбывал срочную службу, младший умер.

Это вселяло непримиримую злобу в Тювашей, так и не выбившихся из нужды. Шарло, единственный работник в семье, не считая старика отца, из кожи лез, чтобы прокормить мать и двух младших сестер.

Ему доходил двадцать первый год, когда однажды утром к лачугам подкатила щегольская коляска. Из нее вылез молодой господин с золотой часовой цепочкой и помог сойти почтенной седовласой даме.

Дама сказала:

— Здесь, дитя мое. Второй дом.

И приезжий, как к себе, вошел в лачугу Валленов.

Старуха мать стирала свои фартуки, одряхлевший отец дремал у очага. Они подняли головы, и юноша поздоровался:

— Добрый день, папа; добрый день, мама!

Старики вздрогнули и выпрямились. От волнения крестьянка выронила мыло, и оно упало в воду.

— Это ты, сынок? Ты? — выдавила она.

Молодой человек обнял и расцеловал ее, повторяя:

— Здравствуй, мама, здравствуй!

А старик, хотя и дрожал, твердил своим всегдашним невозмутимым тоном, словно они расстались какой-нибудь месяц назад:

— Значит, вернулся, Жан?

Когда первая неловкость прошла, родители потащили сынка по деревне — надо же его показать. Они завернули к мэру, к помощнику мэра, к кюре, к учителю.

Шарло с порога своей лачуги глядел им вслед.

Вечером, за ужином, он сказал отцу:

— И дураки же вы были, что дали взять мальчишку у Валленов!

Мать упрямо возразила:

— Я не хотела продавать свое дитя.

Отец помалкивал. Сын продолжал:

— Экое несчастье знать, что тебя загубили!

Старик Тюваш сердито пробурчал:

— Ты что ж, попрекаешь нас, зачем мы тебя не продали?

Парень начал грубить:

— Да, попрекаю, потому как вы дураки. Такие родители — беда для детей. Вот уйду от вас, — так вам и надо.

Старуха уткнулась в тарелку и расплакалась. Она хлебала суп, расплескивая добрую половину, и причитала:

— Вот после этого и надрывайся, расти детей!

Парень безжалостно гнул свое:

— Лучше вовсе не родиться, чем стать таким, как я! Поглядел я сегодня на того, и вся кровь во мне закипела. Я подумал: вот чем я мог бы теперь быть.

Он встал.

— Знаете, мне лучше отсюда уехать, не то я вас с утра до вечера корить буду и всю вашу жизнь отравлю. Запомните: я вам никогда не прощу.

Уничтоженные, заплаканные, старики молчали.

— Мне думать-то об этом не вмоготу. Пойду, устроюсь где-нибудь в другом месте.

Он распахнул дверь. Ворвался шум голосов: Валлены праздновали возвращение сына.

Шарло топнул ногой, обернулся к родителям, громко бросил:

— Эх, вы, мужичье!

И растаял в темноте.

Примечания

Напечатан

1 Октав Мирбо (1848—1917) — французский романист и драматург.